

3-417/50

К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ СОВЕТСКОГО КИНО

Счастливого плавания!

К Р О К О Д И Л

№ 1

10 ЯНВАРЯ 1950 г.
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“
ГОД ИЗДАНИЯ XIX

Еще манделса...

Посёлок Яма, Донбасс

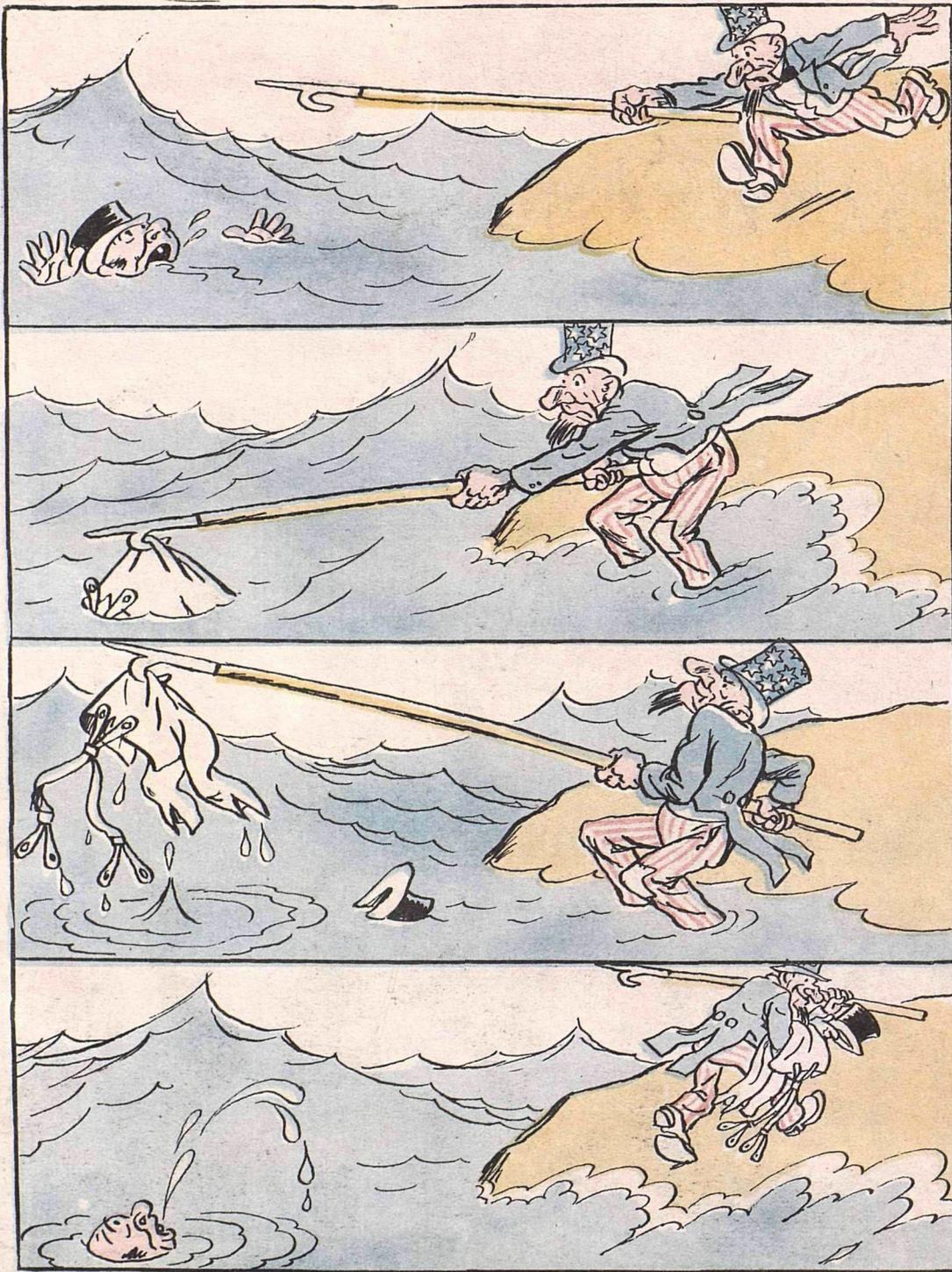
Директору Доломитного комбината
Министерства металлургической промышленности
тов. КИРИЛЛОВУ И. П.

Наш поклон вам, Иван Петрович! Что же это вы, батенька, расхворались и вконец расклеились? Никуда это, право, не годится! Будучи специалистом по многим болезням, я, естественно, заинтересовался тем, что же так вредит вашему здоровью, и го-

тов согласиться с вашим диагнозом: критика — вот что подрывает ваше здоровье! Понятно, я имею в виду критику не на самом комбинате. Здесь вы, Иван Петрович, следуя примеру некоторых персонажей из классической литературы, поставили дело так, что ваши подчинённые и ликнуть не смеют. Главный бухгалтер орс Ковалёв обидел вашу супругу: он не разрешил ей взять в кредит мануфактуру. Вы припомнили

Рис. А. ВАЖЕНОВА

Дружеская помощь.

ему этот далеко не рыцарский поступок. Вы созвали совещание. Ковалёв по уважительной причине не явился. Тогда вы потребовали его к ответу:

— Не слушаешься, против меня идёшь?

Вы ударили кулаком об стол:

— Вон отсюда! Чтоб и духу твоего не было!

Подобно Титу Титычу Брускову из комедии Островского, вы часто задаёте себе вопрос: «Кто я? Смет ли кто меня обидеть?» И отвечаете: «Нет, не смеет! Иначе сотру в порошок!»

Вы захотели дома побриться. Знак пальцем — и вахтёр послан за парикмахершей. Мы понимаем ваше благородное возмущение: парикмахерша предпочла брить подбородки рядовых граждан, дожидавшихся очереди, и явилась пред ваши светлые очи через тридцать минут.

Вы не потерпели такого оскорбления, и директор орс Нестеров уволил парикмахершу — вдову фронтовика, мать троих детей.

В 24 часа вы уволили строптивного шофёра Сергеева! Вы терпеть не можете, чтобы кто-нибудь становился вам на пути. А шофёр Сергеев, как на зло, замешкался со своей грузовой машиной поперёк дороги, в то время как вы, Иван Петрович, проезжали мимо, собственноручно управляя легковой машиной. Вы задели грузовик и, исполненные величавого гнева, набросились на шофёра:

— Ты чего тут встал, негодник? Разве ты не видишь, кто едет? Вон отсюда, чтоб и духу твоего не было!

Так же быстро и оперативно вы уволили с комбината свою секретаршу Лиду Беленко. За что? Подумать только: она посмела купить вам папиросы «Пушка» какой-то безвестной фабрики, а не любимой вами ростовской!..

Смутяны были призваны к порядку! И вам бы, Иван Петрович, теперь благоденствовать и поживать... Так нет же, районная газета не нашла более важного дела, как беззастенчиво выносить сор из избы, и выступила со статьями «На Доломитном зажимают самокритику», «Как на Доломитном воспринимают самокритику».

Вы и не подумали бить себя в грудь и каяться. Вы просто сделали вид, что не читали этих статей. Районные организации, в заботах о вашем спокойствии и здоровье, заняли ту же позицию.

Но когда газета напечатала фельетон, посвящённый вам персонально, ваши нервы, Иван Петрович, не выдержали. На другой день вы написали (но, правда, не отослали) министру заявление об отставке, мотивируя «травлей, которая подрывает моё здоровье».

Итак, на повестке дня вопрос о вашем драгоценном здоровье. Нам кажется, что районная газета недооценивает всей важности поднятой проблемы. Неужели во имя вашего благополучия нельзя, хотя бы на время, отменить критику и самокритику, тем более, что это соответствовало бы желаниям и некоторых районных руководителей?

Как было бы хорошо, если бы к вам назначили редактором щедринского героя Фединьку Неугодова! Фединька твёрдо был убеждён, что обязанность литературы — умиротворять, а не раздражать, и обвинял литературу в предвзятом образе действия: «Литературе угодно игнорировать розы, и соловьи, и небо и эти возвышающие дух картины заменять холодным перечислением язв».

Примите наш поклон и пожелания быстрого выздоровления.

Кланяйтесь районным руководителям, мужественно пекущимся о вашем здоровье.

Кружков...

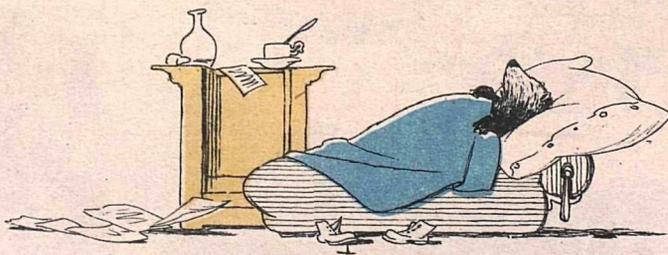
НЕ ТОРОПЯТСЯ

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

- Итак, на чём мы остановились?
- На вопросе о подготовке к севу в нашем районе.
- Ну?..
- Остановились... и стоим третий месяц.

Юрий ЛЕБЕДЕВ

БАРСУК

(БАСНЯ)

Я познакомился с солидным
Барсуком
На совещании
(неважно, на каком!).
Он произнёс там пламенную речь
(В ответ на справедливые упрёки).
Он обещал на коллектив налесть,
Расхлябанность решительно пресечь,
Ошибки выправить в ближайшие же
сроки.
Он развернул обширный план
работ...
И вот
Проходит год.
А дело хоть бы сдвинулось на йоту!
У Барсука оттяжки да раскачки,
Он по натуре был подвержен спячке

И не тревожился до нового отчёта.
А чуть пришло время дать ответ,
Барсук отнюдь не растерялся, нет!
Уверенно он произносит речь,
Клянётся снова что-то там пресечь:
— Да, я согласен... признаю...
Учтите искренность мою...
Я оправдаю... наверстаю...
Законной критику считаю...
Что ж, Барсуку поставили на вид,
И он,
как говорят,
опять спокойно спит.
* * *
Давно пора подобным Барсукам
Дать по рукам!
Курск.

СООБЩАЕМ АДРЕСА

Искусство хлебопечения не требует чересчур мудрёной техники и всеобъемлющих познаний. Печь хлеб люди умели ещё в незапамятные времена. И тогда и теперь хлебопёки заботились лишь о том, чтобы плоды их трудов были вполне съедобными и питательными. Никаких других, более сложных обязанностей никто отродясь на хлеб не возлагал.

Однако же в наши дни некоторые хлебопекарни изловчились мастерить этот скромный продукт питания так, чтобы он мог служить заменой разнообразных предметов домашнего обихода.

О продукции одной такой кормилицы хлебом потребители говорят (без особого воодушевления):

— Хлеб?! Да это же вовсе замазка для окон! До чего додумались лсвкачи: печёную замазку изготовлять!

Изделия другой хлебопекарни пользуются популярностью среди физкультурников:

— Посудите: вес-то! Так называемая буханка хлеба вполне заменяет тяжёлую гирию для атлетических упражнений. Жаль только, что сырьё от неё заводится в комнате...

Третья хлебопекарня посылает воздействию комнатному цветодству. Выпекаемый ею хлеб состоит в основном из питательной для растений смеси чернозёма с водой и песком.

Ни эти, ни им подобные хлебных дел мастерские не прилагают к своему хлебу бумажек с надписью: «Употреблять в пищу не рекомендуется». Покупатель ведь и сам сообразит. Поймёт он и то, что дельце, действительно, «хлебное»: очень прибыльно торговать хлебом чернозёмно-песочным или тяжёлым, сырым хлебом-замазкой по цене обыкновенного хлеба.

Может быть, не всякий поверит в существование таких хлебных изделий и, главное, таких достопримечательных хлебопекарен?..

Что ж, можно указать их наименование и местонахождение:

1. Пекарня Райпотребсоюза в городе Кантемировке, Воронежской области.
Заведующий — В. Ф. Перепечаев.
2. Хлебокомбинат в городе Енакиеве, Сталинской области.
Директор — тов. Агишев.
3. Хлебокомбинат в городе Новочеркасске, Ростовской области.
Директор — тов. Бессонов.
4. Пекарня № 17 в городе Кутаиси.
Заведующий — Т. Кипкурашвили.
5. Пекарня Райпотребсоюза в городе Бобрке, Львовской области.
Заведующий — тов. Пення.

ПЕРЕЦЬ В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА

Степан ОЛЕЙНИК

МОЕ СЛОВО

На общих собраниях артели
Я очень плохой говорун.
Я, знаете, больше... на деле!
Да, кстати, зовусь я Мовчун.

Однако недавно, в июле,
Нарушил я этот устав,
Когда к нам в село заглянули
Селяне соседних держав.

Гостей мы в саду повстречали,
Едва приодеться успев.
— Дзень добры! — поляки сказали.
А трое румын: — Буна дзев!

Друзья отдохнуть не хотели:
— Мы в школу! Нас надо учить!
Мы тоже мечтаем в артелях
Богато и весело жить!

— Ну, что же! Мы знаем немало!
И школа открыта для вас!..
Мы вместе с гостями сначала
Идём в приусадебный «класс».

У нас огороды богаты.
Посёлок в цветах, словно сад.
Просторные, светлые хаты
Средь яблонь и вишен стоят.

Но счастье зажиточной доли
Не здесь наш колхоз отковал.
— Пойдёмте, товарищи, в поле, —
Гостям председатель сказал.

Вот степи. От края до края,
Как море, раскинулся тут
Гигантский массив урожая —
Колхозных полей институт.

Поляки сказали: — Ой, добже!
Румын головой закивал.
— Экскурсию нашу продолжим! —
Манько, председатель, сказал.

Бегут километры пшеницы.
Мы едем к просторам двора.
Где, строясь в полки косовицы,
Комбайны гудят, трактора.

Промолвил Манько, председатель:
— Пред вами технический вуз!
И глубже почуяли братья,
Что значит Советский Союз...

Вошли мы в просторную хату,
Где колбы, пробирки, зерно,
Где люди дерзанием богаты,
Где всё чудесами полно.

Отсюда грядущее пашен
Видно далеко-далеко...
— Вот здесь академия наша! —
Сказал председатель, Манько.

Любовью и дружбой согреты,
Из класса мы двигались в класс,
Учили, давали советы —
И гости учились у нас.

Пройдя по всему производству,
Мы вместе вернулись назад
В село, в институт садоводства,
Где раньше мы встретились, — в сад.

И здесь-то, соратникам-братьям
Наполнив бокалы вином,

Я встал, чтобы слово сказать им,
Хоть я и зовусь Мовчуном.

— Приятно, — сказал я, — сегодня
Приветствовать в этом саду
Крестьянство республик народных,
Что с нами в едином ряду.

Ой, любо распахать плугом
Помещичью злую межу!
Они улыбнулись друг другу,
А речь я и дальше держу:

— Учитесь же в сталинском вузе,
Постройте по-новому труд,
И к вам на учёбу французы
И немцы, наверно, придут.

И мне, чьи колхозные руки
Работают множество лет,
Приятно, что эта наука
От нас направляется в свет!..

Сказал я. Захлопали люди.
И речь я закончил свою:
— За то, что лишь так это будет,
Я с вами, товарищи, пью!

Мы долго беседуем снова,
Весёлые песни поём...

Такое промолвил я слово,
Хоть я и зовусь Мовчуном.

Перевёл с украинского
А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Рис. В. ГЛИВЕНКО

На рисунке, в центре, — человек, который захлёбывается от успехов.

На рисунке, справа, — наилучший способ для спасения таких людей.

«РАСТИ, РАСТИ ТЫ, КЛЕН-ДЕРЕВО...»

ПОЛЕЗАЩИТНЫЕ полосы, водоёмы, пруды... Леса в степи... Нет обжигающих ветров, нет чёрных вихрей и бурь... Небозримы поля буйно-зелёной пшеницы... Вместо яров, оврагов, балок — пруды и водоёмы с кудрявыми задумчивыми вербами, где карасиха прихорашивается перед «зеркалом» у зеркального карпа.

И это и не сон и не сказка, а живая действительность! Весь, весь народ верит в то, что покорится природа разуму человеческому, человеческой энергии... Покорятся сыпучие пески, покорятся чёрные вихри и бури, покорится эрозия почвы — все злые силы человеческому разуму покоряются...

Но покорится ли когда-нибудь чёртова коза «энергии» и разуму завкомхоза районного (а то, может, и областного) города Лысогорска?

Мы нарочно не называем точно, какого именно города, чтобы каждый завкомхоз мог с гордостью сказать:

— Это не у меня! У Кузьмы Петровича, верно, что-то похуже есть! А у меня? У меня нет!

В городе Лысогорске чуть ли не каждый год разбирают парк. Иногда в газете, иногда в письме кто-либо из приятелей общит:

«А у нас парк разбили. Знаете, там, над речкою. Чудесное место: высоко над речкою, пейзаж — глаз не оторвёшь! Прекрасно распланировали: аллеи, площади. Оно чуть за городом, и аллея растянулась от парка до самого центра, где на главной улице вырос бульвар... Не хуже будет, чем у вас, в Киеве, Шевченковский бульвар. Вы-то помните, что было раньше на месте теперешнего парка. Свалка была! Приезжайте, — не узнаете Лысогорска!»

И вам становится радостно, и вы думаете: а и верно, каким же чудесным станет Лысогорск!

Через год вы снова получаете письмо из того же Лысогорска, от того же приятеля:

«А у нас парк разбили... Знаете, там, над речкою. Чудесное место: высоко и т. д. и т. п...»

Прочитав письмо, вы задумываетесь:

«Стой, стой! Кажись, такое письмо в прошлом году уже было...»

Разыскиваете прошлогоднее письмо, сравниваете...

«Так оно и есть... И в прошлом году парк, и в этом году парк... Что такое? Два парка, что ли?»

Вы пишете тогда своему приятелю:

«Дорогой Кондрат Маркович! Что же получается? Выходит, у вас теперь два парка? Где же это вы второй парк разбили?» Вот приходит и ответ:

«Да нет, дорогой друг, не два у нас парка, а один парк! Прошлогодний парк козы поели! После войны мы уже третий парк разбираем: едят чёртовы козы! Что ты с ними поделаешь? Может статься, и этот парк, что теперь посадили, поедят!»

И с приятелем завязывается живая переписка:

«Почему же вы не охраняете? Куда ж это завкомхоз смотрит?»

Ответ:

«В окно смотрит! У него у самого коза есть! Молочнейшая! Метис ангорской и брабансонской! Он, завкомхоз, говорит: «Я, — говорит, — план озеленения города выполнил! Кредиты все использовал. А что он не растёт, — говорит, — так что же, прикажете каждое дерево за ухо тащить, чтоб оно росло? А козы? Я не козачий пастух». Так ежегодно и производим посадки! А вот у школы учителя с учениками садик разбили сразу же после того, как фрицев выгнали, — так там вишни и яблони плодоносить начали! Там детки деревья берегут, а мы ведь не детки; мы взрослые! Мы кредиты используем...»

«Вот так чёртовы козы, — думаете вы себе, — как они любят кредиты!...»

* * *

Представьте себе чудесный весенний день... Солнце... Вот-вот расплещутся киевские каштаны.. Почки на каштанах поналивались, даже стонут: «Пустите на белый свет!..» Приближается пора, когда они разрываются чуть ли не с треском. И впервые вдыхают весенний воздух...

На улице детвора, точно маки...

Солнечные лучи переплетаются с детскими голосами, и вспыхивают золотыми лентами шелковые детские волосы...

Полюбуйтесь: вон стоит златокудрая — будущий доктор медицинских наук. Ей уже, должно быть, года четыре, стоит, смотрит, зажмуривши глаза, на солнце и кричит. На солнце кричит:

— Солнце! Солнце!

А с её вишневого ротика солнечные зайчики только прыг, прыг, прыг!

А вот идёт мама... Возле мамы — крошка... Крошке лет шесть. Крошка — он.

Крошка подходит к только что посаженным кустам жасмина и ломает хворостинку.

— Гражданка! Почему вы разрешаете ребёнку портить зелень?

— Нужно же малышу чем-то играть! Подумаешь, одна хворостинка!

— Ваш — одну хворостинку, другой — вторую, того и гляди, нет кустов!

— Не приставайте ко мне!

И мамаша уже разгневалась и говорит дяде довольно-таки крутые слова...

А дядя идёт себе и думает:

«Вот принесёт мамин крошка хворостинку домой, и хоть бы папа спросил у мамы:

— А откуда эта тростиночка?

— Это на бульваре наш крошечка выломал!

И чтоб папа взял ту маму да хворостинкой, хворостинкой, не жасминовой хворостинкой, а моральной... Пусть приучает мама своего крошку к порядку!»

Деревья и вообще зелень беречь надо!

Чтобы расцвели, зазеленели, как весёлый май, все наши города и городки, посёлки и сёла.

Перевод с украинского

Григорий ПЛОТКИН

МОЛОЧНЫЙ РОМАНИСТ

Мечтал писатель-домосед
Прославиться навеки
И сочинил, мечтой согрет,
Роман «Молочны реки».

В своём труде колхозный мир
Он дал в таком разрезе:
— Нужны нам сливки, масло, сыр,
Да и кефир полезен!

Сметана радость нам несёт:
Как вкусен с ней картофель!..
В романе этом было всё —
От молока до кофе!

Хотя, признаться, люди в нём
Не люди были — схемы.

Ну, что ж! Нельзя в труде одном
Все охватить проблемы!

В нём говорилось про навоз
И кстати и некстати...
Закончив труд, его принёс
В редакцию писатель.

Сказал редактор, в позу встав:
— Сильна у вас палитра!
В печатных сорока листах
Воды здесь сорок литров!

И отзыв критиком был дан:
— Пуста работа ваша.
Здесь перед нами не роман,
А просто... простокваша!

Чтоб говорить о жизни масс,
Изображать их судьбы,
Сначала нужно хоть на час
В колхоз вам заглянуть бы!

Смеясь, ответил романист
Ему такой тирадой:
— Поверьте мне, я сердцем чист
И знаю всё, что надо.

Пусть я писал свой фолиант,
Не выезжая в сёла,
Но у меня был консультант —
Молочница с Подола!

Перевёл с украинского
С. ШВЕЦОВ

Челябинские МЕЦЕНАТЫ

ЧЕЛЯБИНСК — большой областной центр. Облик города меняется не по годам и даже не по месяцам.

Каждый день приносит что-нибудь новое: здесь открыли клуб, там закончили стройку нового жилого корпуса, открыли новые ясли и залили гудроном район, где вчера ещё была непролазная грязь.

Челябинск, несмотря на пожилой свой возраст, — город новый, с новыми многоэтажными домами, широкими асфальтовыми магистралями, с заводами, которые далеко опередили «прославленные» предприятия капиталистического Запада.

Челябинцам есть чем гордиться, есть о чём вспомнить и с чем сравнивать, но нам довелось здесь встретиться и с такими местными товарищами, которые без всякого чувства меры умиляются происшедшими переменами и также без меры предаются воспоминаниям о минувшем. Только и слышишь от них:

— А вот здесь столько мусора было!

— А болота, болота какие здесь в былые времена растаились!

Не преминут при этом городские воспоминатели и из Мамина-Сибиряка цитатку о стародавней «Челябе» привести: дескать, здесь и фонарей никаких сроду не бывало, и вовсе нигде не было никаких тротуаров. Бульга только незамощённая под ноги лезла, с ног сбивала и т. п. и т. д.

А большой сегодняшний Челябинск есть. Вот он стоит, гранитный, забетонированный, в кольце заводских окраин, озеленённых, застроенных, загудронированных.

И очень жаль, что перегрузившись воспоминаниями о прошлом, эти товарищи не удосуживаются подумать и по-хозяйски позаботиться о настоящем и о том, как бы новое получше сберечь...

— Ну, как понравился вам, товарищи, центр нашего города? — потирая руки, спрашивал у нас в приятно завязавшейся беседе заместитель председателя горисполкома Михаил Григорьевич Марченко. — Ансамбль-то архитектурный-то на улице

Спартака, а? Каков, по-вашему, товарищи, ансамбль?

— Ансамбль отличный, товарищ Марченко. Что есть, то есть. Фасады, архитектура, газоны, штaketники, универмаг, троллейбус, гостиница, театр... Кстати, скажите, товарищ Марченко, вы ведь, кажется, заместитель по культуре, что у вас идёт в театре?

— Видите ли, — деликатно улыбувшись, начал наш собеседник, — театр наш в данный текущий момент находится в текущем ремонте. С осени его как раз и ремонтировать начали. Составили смету на ремонтные работы. Потом переставили смету в сторону её необходимого увеличения, потом...

— Скажите товарищ Марченко, у вас, на Южном Урале, театральный сезон когда, собственно, начинается?

— Когда начинается? Ну это во взаимосвязи. Когда кончается сезон строительный, тогда начинается театральный.

— А ещё точнее, товарищ Марченко?

— Точнее трудно сказать. Дело такое, товарищи, в смету упирается, в подрядчиков и субподрядчиков. Но ничего, ничего, товарищи. Зато у нас отделение «Третьяковки» намечается.

— И скоро это будет?

— Теперь уже скоро. Третий год подготовку к открытию галереи ведём. У нас и свои собственные художники в Челябинске есть! Подготовились неплохо. Полотен двести или поболее. Масло, акварель, гуашь. Но... вопрос упирается!..

— Упирается в то, что исполком отпущенные для выставки денюжки по другим каналам пустил. Так ли?

Товарищ Марченко несколько замаялся:

— Так-то оно так, но знаете ли...

Чтобы вывести нашего собеседника из неловкого положения, мы перешли к другому вопросу:

— Скажите, Михаил Григорьевич, что это у вас тут в центре города за здание с колоннами?

— А... это, знаете ли, для центральной библиотеки специальное здание строилось. Но, представьте, часовой завод въехал... Думаем теперь

новое здание для библиотеки воздвигать...

— А завод переселить из центра разве нельзя?

— Нельзя. Вопрос, знаете ли, упирается в то, что часовой завод, представьте, тоже упирается!

Упёршись с нашим задушевным собеседником в ту пичок, мы решили переключиться на другие объекты.

Мы просматривали подвёрнутый нам под руку объёмистый томик телефонного справочника Челябинской АТС. Под буквой «Д» внушительно перечислялись наименования: «Дом народного творчества», «Дом учёных», «Дом учителя», «Дом санитарного просвещения».

Когда глядишь на величественные очертания заводов, общественных зданий и жилые массивы Челябинска, невольно представляешь себе, что и вышеназванные Дома должны быть такими же великолепными — с колоннами, капителями, лепными карнизами.

Но... мы с трудом нашли в отделе искусств облисполкома, в комнате среди бухгалтерий и реперткомов, три затерявшиеся стола и при них И. С. Зайцева. Это и был весь Дом народного творчества вкуче с его руководителем. И. С. Зайцев скандировал еловодубовые строчки из своей «фольклорной» книги (Огиз, Челябингиз. 1949):

«Из-под ели дон, дон, дон, Спели песню тон, тон, тон, Шурия, бурин, фон, фон,

Фин-терля, фин-терля».

«Фин-терля», конечно, — словечко неопределённое... Во всяком случае, бездомными оказались на поверку и другие Дома. У кого были всё же пара стульев и стол, у кого и целых пять метров чужой жилплощади, но никаких колонн и никаких капителей.

Разочаровавшись в Домах, мы не без чувства удовлетворения вступили в парадный подъезд Дворца культуры завода имени Орджоникидзе. Здесь и колонны стояли по фасаду, и раскрывалась оперативный простор зрительного зала и прочее дворцовое великолепие.

Но здесь директор Черноволенко при содействии городского отдела искусств и

филармонии широко раскрыл двери дворца для культурных мероприятий сомнительной художественной ценности.

Сюда, на подмостки, не так давно выпорхнул некий «человеко-радио-мозг», иллюзионист Симица, силой своих подмоченных иллюзий очаровавший невзыскательных челябинских меценатов, не распознавших оную залётную птицу — Симицу — по её полёту.

Сюда же местная заботливая филармония гостеприимно привлекла заезжую труппу лилипутов с широко-вещательной программой и обильной пошлостью сверх программы.

В тех же неустанных заботах о зрителе меценаты из городского отдела искусств внесли известное новшество и в географию Урала. Старая Вена воздвигнута ныне на реке Миасс. Отпетые арии вновь затянули с подмостков Челябинской музкомедии небезызвестная Марица и бывшие цыганские бароны и князьки.

Обзаведясь подобным типажем и антуражем, Челябинская музыкальная комедия нет-нет да и обратит свои взоры и на заводские районы города. Князьки и бароны как-то забрались даже под порталные краны ЧТЗ.

Напрасно пыталась пленить своим искусством выездная «Марица» знатного мастера трубопрокатного завода Фёдора Емельяновича Павленко, Фёдор Емельянович предпочёл всей семьёй пойти за пять вёрст пешком в город на спектакли к столничным гостям — вахтанговцам.

...По календарю, уже зима.

В Челябинске сей неоспоримый факт ещё подвергается сомнению. Зима ли? А почему именно зима? Тем более что, как сказано выше, драматический театр, охваченный ремонтом, ещё только на подступах к театральной осени. Городской же комитет физической культуры, возглавляемый товарищем Рубинштейном, ещё также не может в точности установить, что теперь: лето, осень или действительно самая доподлинная зимушка? В подшефных Рубинштейну спортивных магазинах на сегодняшний день широко представлены летние майки, футбольные бутцы, тапочки и также рыболовные спиннинги.

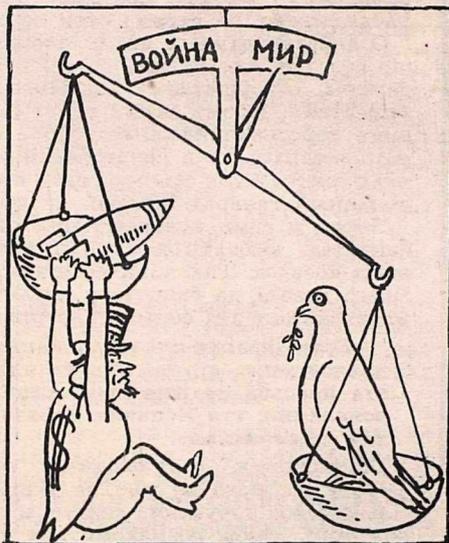
Так, соединёнными усилиями безответственных филармонических и других меценатов дело с недоделками уже удалось поставить в Челябинске солидно, на широкую ногу. И, как справедливо заметил в своём эпохальном труде ответственный распорядитель несуществующего Дома народного творчества, есть ещё в славном городе Челябинске немало разных «шурия, бурин, фин-терля».

А. МИТНИЦКИЙ,
В. СИТОВ

Челябинск

Многостранный

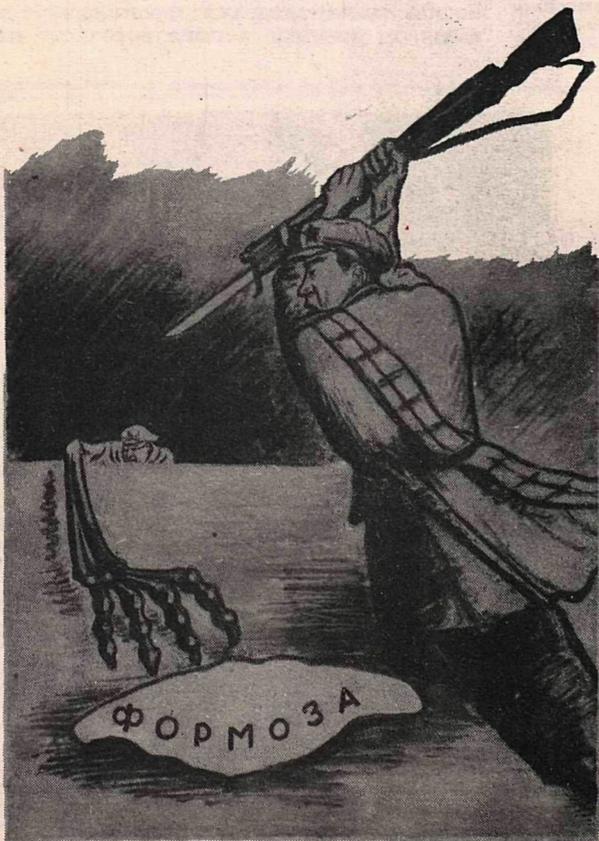
ЮМОР

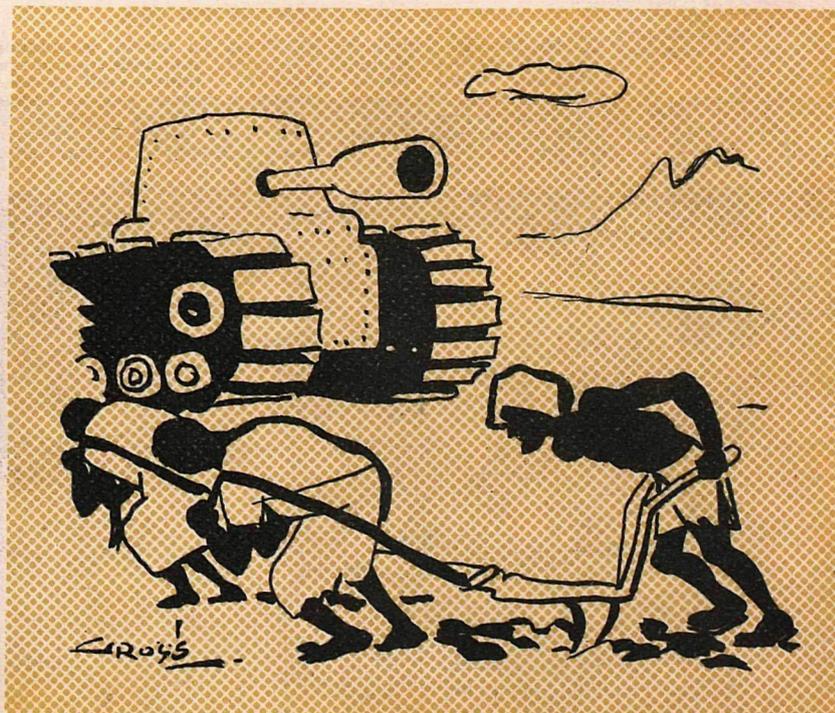
Голубь мира сильнее!
(Демократическая Германия)

Англо-американское экономическое содружество.
(Румыния)

Отсечь лапу агрессора.
(Китай)

Механизация сельскохозяйственных работ в колониях.
(Румыния)

Лейбористский эрзац.

ЧЕМПИОНЫ ВЗЯТКИ

О характере американского спорта лучше всего говорит факт, опубликованный газетой «Трибюн де насон»:

«В США происходил розыгрыш кубка по футболу между тюрьмами страны. Наиболее интересной встречей сезона был матч между командами воров и бандитов. Применяв свою «блестящую технику», воры победили со счётом 2:1».

Бандиты опротестовали результаты матча, обвинив воров в том, что они украли один гол, но их протест оставлен без последствий.

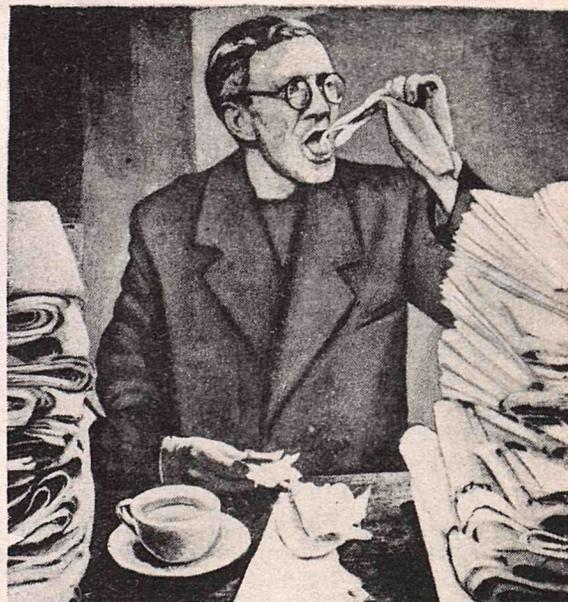
Тяжелее окажется положение команды воров в финале, где они встретятся с командой казнокрадов и взяточников из конгресса...

«Техника» конгрессменов окажется, несомненно, выше. Рядовым ворам не устоять перед высокопоставленными взяточниками!

ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ

На снимке — обычная картина из жизни маршаллизованной Италии. Молодой художник вынужден рисовать на панели, чтобы только не стоять с протянутой рукой. Он живёт лишь на то, что прохожие бросят ему из милости. Когда-то мастера итальянской живописи славились росписью дворцовых стен и порталов. Теперь де Гаспери заставил итальянских художников рисовать на тротуарах.

ГАЗЕТОГЛОТАТЕЛЬ

Господин Клифман из Амстердама придумал новый способ стать знаменитым. Он заявил, что им установлен рекорд... пожирания свежих газет. На снимке рядом с «рекордсменом» показан недельный рацион газетоглодателя.

В результате установленного «рекорда» Клифман страдает несварением желудка. Да это и понятно: кто же может переварить содержание американизированных статей в этих газетах?

КОЧУЮЩИЕ

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ болезнь американских сенаторов — зуд в ногах. Не сидится на месте! Они обязательно должны путешествовать со всякого рода «невинными» целями: поохотиться, полакомиться цитрусовыми, полюбоваться голубым южным небом.

Даже газета «Нью-Йорк таймс», иронизируя над непоседливыми сенаторами, сообщает, что только за последние недели в Италии побывало пять групп американских сенаторов и конгрессменов, в Швеции — восемь, а в Англии — девять групп. Американские сенаторы, точно сельдь, плывут косяками к берегам Европы. Но наибольшее количество сенаторов-кочевников падает на Испанию, где, как известно, до сих пор кочевали только испанские цыгане — «хитанос». Современные вашингтонские кочевники вместо пёстрых цыганских таборов раскидывают по странам свои военные базы.

О действительных целях поездок сенаторов лучше всего можно судить по тому, как формируются группы, совершающие подобные «туристские» путешествия. Кроме самих сенаторов и обслуживающего персонала: администратора, бухгалтера и секретаря-завхоза, — в сенаторский табор обязательно включаются один офицер связи и один прикомандированный генерал (отнюдь не свадебный!).

Порой и сами конгрессмены, развязав языки на банкетах, выбалтывают цели своих «увеселительных» поездок. Так, член делегации сенатор Деннис Чавез сказал на банкете у итальянского министра иностранных дел сенатора Сфорца:

«Если франкистская Испания попросит США предоставить ей помощь по плану Маршалла, то эта просьба должна быть удовлетворена на том основании, что Испания первая вела борьбу против коммунизма».

Оказывается, и от банкетов есть своя польза: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке»...

В Италию кочующие сенаторы завернули под видом того, чтобы познакомиться с итальянским искусством. Впрочем, в музеях они интересовались только одним — скудкой уникальных произведений искусства — и выражали полное недоумение, что ещё до сих пор эти картины и статуи хранятся в стенах музеев. Один «высококультурный» сенатор прямо заявил корреспондентам: «Давно бы пора продать с торгов всех этих Венер для сокращения государственного дефицита!».

В Париже американских кочевников интересуют якобы только изделия французской парфюмерии. Недаром военные атташе посольств называют Па-

СЕНАТОРЫ

Рис. Л. СОЙФЕРТИСА

риж «парфюмерным перекрёстком Европы». Но пахнет здесь не столько духами Коти, сколько тёмными махинациями поджигателей войны.

Американские кочевники начинают обычно свои путешествия с посещения Скандинавского полуострова. Они и здесь заявляют представителям печати, что приехали любоваться красотами местных фиордов. Но один из главарей бродячего табора цыган-сенаторов — Уиллис Робертсон — в беседе с корреспондентом агентства «Ассошиэйтед пресс», сказал:

«Во время нашего пребывания в Стокгольме мы встречались с некоторыми высокопоставленными шведами и обсуждали с ними не только вопросы торговой и налоговой политики, но и военные проблемы».

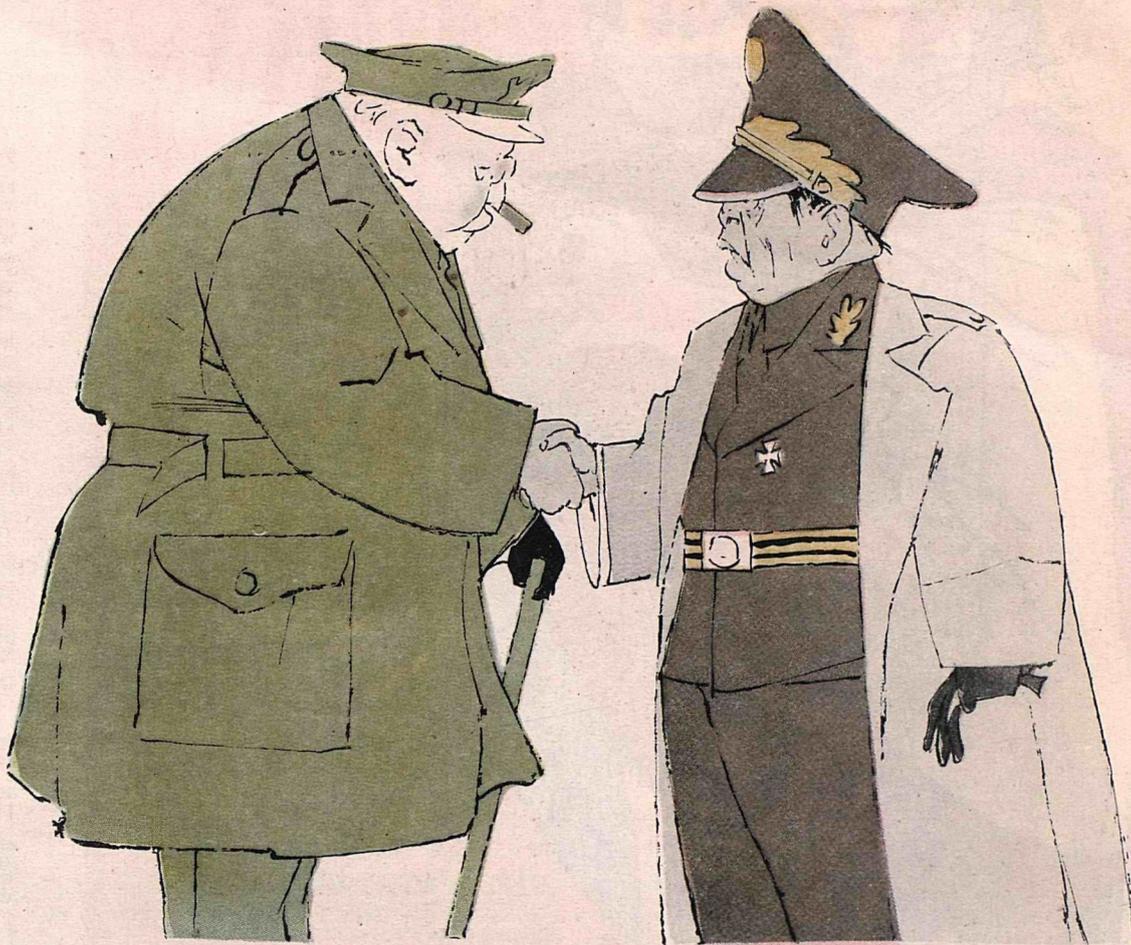
Группа сенатора Томаса всё же осталась недовольна посещением Швеции. Уже где-то в Афинах Томас пожаловался журналистам на шведский сервис. Их, видите ли, на официальном приёме угостили только коктейлем. Это заявление вызвало переполох среди высокопоставленных шведских поджалимов. Но дело поправимо! Вслед за комиссией Томаса в Швецию спешат ещё три американских комиссии. Это уже не цыганский табор, а кочующая орда уоллстритовских бизнесменов! К их приезду готовится достойная встреча. В качестве «гвоздя» обеда хотят преподнести заокеанским гостям особое блюдо — «шведский суверенитет под маршализованным соусом».

Но незваных гостей может ожидать неожиданный сюрприз. Шведский народ иначе относится к таким назойливым посетителям. Прогрессивная шведская газета «Ню даг», комментируя нашествие американских конгрессменов, пишет:

«Американцы приезжают в Швецию, не имея на это шведского приглашения. Эти претенденты на мировое господство ввели новые обычаи общения между государствами. Американские конгрессмены разъезжают по странам Западной Европы, не обращая ни малейшего внимания на то, приглашены ли они и желают ли их видеть. Своим поведением они олицетворяют американскую политику прямого ограбления западноевропейских и всех других стран, неспособных защищать свою независимость».

Таково мнение не только шведской демократической печати: народы «маршализованной» Европы с негодованием взирают на кочующую орду торгашей-сенаторов, заполонивших их страны.

И. ВАЛИН

ТИТО: — У нас теперь с вами общие интересы, мистер Черчилль,— американские!

«ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН»

В Западной Германии трогательно почитают фашистских главарей. В течение четырёх лет после окончания войны в числе почётных «граждан» города Бремерсхафена находился... Герман Геринг. Только недавно на специальной сессии муниципалитета отцы города с глубоким сожалением решили лишить Геринга звания «почётного

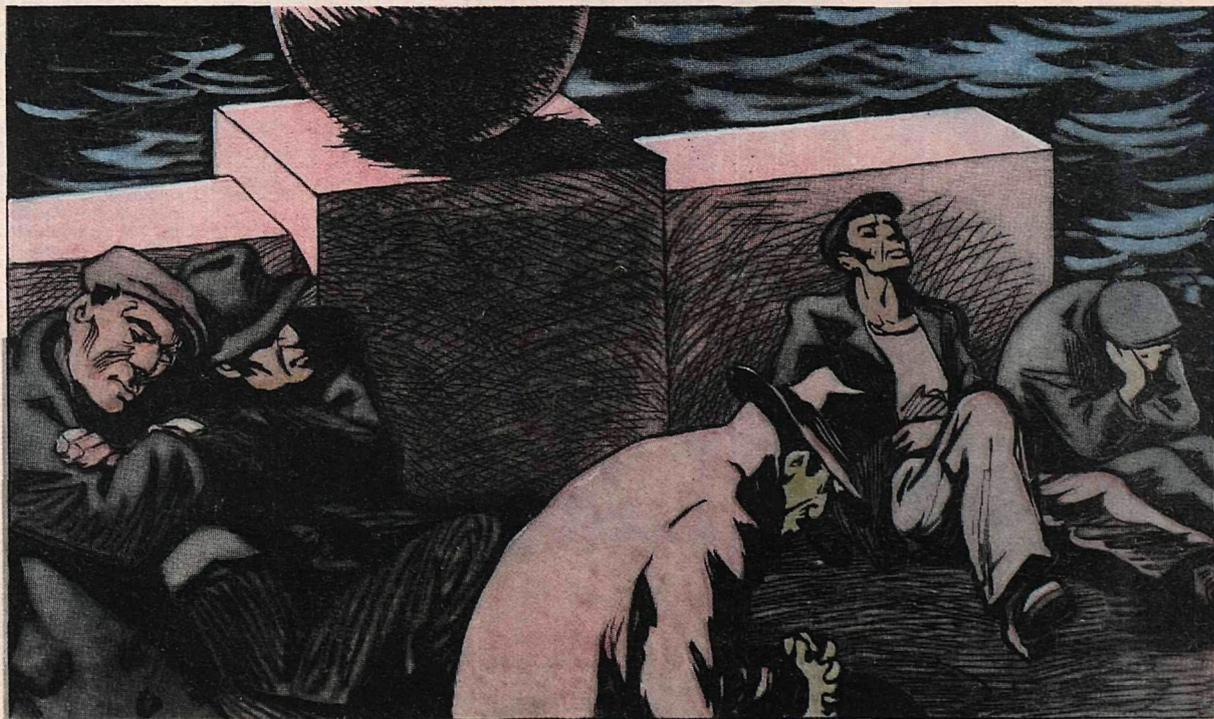
гражданина». Но, как говорят, «свято» место пусто не бывает. Достойных преемников Герингу в Западной Германии найти сейчас нетрудно. Отцы города размышляют, кого лучше выдвинуть на вакантное место: Черчилля или «почётного гражданина» Даллеса. Оба они подстать громиле-поджигателю Герману Герингу.

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА

Мистер Эттли мягко стелет...

В Лондоне выпущена брошюра, восхваляющая послевоенную деятельность лейбористского правительства в области жилищного строительства. На самом же деле в Лондонском графстве числится около полумиллиона человек, ожидающих получения жилой площади.

...да жёстко спать.

**ИЗ ИСТОРИИ
ДРЕВНЕГО РИМА**

— Божественный, мы горим!
— Прекрасно! Есть повод сыграть на лире!

**ИЗ ИСТОРИИ
СОВРЕМЕННОГО РИМА**

— Сер, мы горим!
— Прекрасно! Есть повод сыграть на лире!

А ВОДА ТЕЧЕТ...

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
В ДОКУМЕНТАХ

Май 1945 года. Акт, составленный Кизеловским отделением Пермской железной дороги.

«Вода из шахты имени Серова попадает в пруд водокачки станции Половинка. Это вредно сказывается на здоровье трудящихся посёлка, а также ведёт к разрушению котлов паровозов, снабжённых этой водой. Руководителям комбината «Молотовуголь» необходимо отвести шахтные воды и сделать невозможным их попадание в пруд».

13 июня 1945 года. Заместитель начальника комбината «Молотовуголь» Шуварин пишет управляющему трестом «Сталинуголь» Митюшкину:

«Предлагаю: принять меры отвода шахтной воды в другое направление. Учитывая серьёзность и важность... работы провести немедленно, в аварийном порядке».

1 февраля 1946 года. Заместитель начальника комбината Михлин — Митюшкину:

«Срочно примите меры по устройству отводных канавок для шахтной воды. В противном случае неизбежно вмешательство прокуратуры».

7 сентября 1946 года. Начальник паровой службы Пермской дороги Новиков — комбинату:

«Три паровоза уже выведено из строя. Водокачка вынуждена прекратить работу и снабжение водой. Отведите шахтную воду. В противном случае доложу министру».

2 декабря 1946 года. Заместитель министра угольной промышленности восточных районов Спицын — министру путей сообщения Бещеву и начальнику Пермской дороги Самохвалову:

«На Ваше письмо №... сообщая: Министерством дано указание начальнику комбината срочно принять меры по прекращению спуска кислотных вод шахты в пруд...»

24 января 1947 года. Рапорт треста «Сталинуголь»:

«Предписание министерства выполнено».

Февраль 1947 года. Управляющий трестом Митюшкин:

«Немедленно выделить 10 человек и произвести капитальную раскопку мест попадания воды в пруд и капитально произвести отвод воды».

12 марта 1947 года. Начальник Пермской дороги Самохвалов — министру угольной промышленности восточных районов:

«Распоряжение Министерства не выполнено. Паровозы выходят из строя. Работа станции Половинка парализована. Дайте категорическое указание...»

4 апреля 1947 года. Заместитель министра Кузьмич — начальнику комбината «Молотовуголь» Кратенко:

«В декабре 1946 года Министерство обязало вас и т. д. и т. п. Указание Министерства вы до настоящего времени не выполнили, шахта продолжает и т. д. и т. п. Обязываю вас и т. д. и т. п. Предупреждаю о вашей ответственности. О принятых мерах доложить 15 апреля 1947 года».

15 июня 1947 года. Рапорт комбината «Молотовуголь» — министерству:

«5 июня с. г. работы по отводу шахтных вод закончены и указанная вода в пруд более не попадает. Шуварин».

13 июля 1948 года. Начальник локомотивного отдела Кизеловского отделения Пермской дороги Коваленко — управляющему трестом «Сталинуголь» Митюшкину:

«Вода из шахты попадает снова в пруд. Вынужден доложить министру».

28 октября 1948 года. Главный инженер дороги Калинин — главному инженеру комбината «Молотовуголь» Григорьеву:

«Помогите!»

19 мая 1949 года. Главный инженер комбината Григорьев — главному инженеру дороги Калинин:

«Я приказал исполняющему обязанности управляющего трестом «Сталинуголь» Комлеву рассмотреть вопрос восстановления спускной канавы для отвода шахтных вод...»

1 июля 1949 года. Заместитель начальника Пермской дороги Сулак — областному прокурору Куляпину:

«Помогите!»

9 июля 1949 года. Прокурор Куляпин — начальнику комбината «Молотовуголь» Плихину:

«Проверьте и примите меры».

22 сентября 1949 года. Заместитель начальника Пермской дороги Ануфриев — министру угольной промышленности СССР Засядько:

«Помогите!»

8 октября 1949 года. В молотовской областной газете «Звезда» напечатан фельетон.

18 октября 1949 года. Заместитель министра угольной промышленности Кузьмич — редакции «Звезды»:

«Работы по сооружению канавы, отводящей воду шахты от пруда, были выполнены в июне с. г., но кислотность воды в пруде не уменьшилась».

В целях детального расследования причин окисления воды в пруде работает комиссия комбината с участием представителей дорожки.

О результатах и т. д. и т. п. дополнительно.

1 ноября 1949 года. Начальник комбината «Молотовуголь» тов. Плихин — редакции:

«...с 19 июня вода шахты в пруд не попадает, о чём имеется акт, составленный комиссией комбината с участием работников дорожки».

1 ноября 1949 года. Начальник локомотивного отдела Кизеловского отделения дороги Коваленко — редакции:

«Комиссия «Молотовугля» составила акт. Хотела опровергнуть заметку «Звезды». Вместо отвода воды составили акт для отвода глаз. Акт я не подписал».

1 ноября 1949 года. Начальник комбината «Молотовуголь» Плихин — редакции:

«Причина столь длинной переписки и волокиты: после каждого письма или устного заявления работников дорожки трест «Сталинуголь» шахтную воду отводил, о чём своевременно отдавался рапорт, но так как делалось это не капитально (не капитально отводилась вода, рапорты же были более, чем капитальными. — Н. П.), то произведённые работы нарушались и вода снова поступала в пруд, что вызывало новую переписку и волокиту».

В целях надёжной изоляции пруда на будущее дано указание и т. д. и т. п. без конца».

1 ноября 1949 года телеграмма из Кизела — редакции: «В Половинке кислотная вода не отводится, продолжает попадать в пруд».

Молотов.

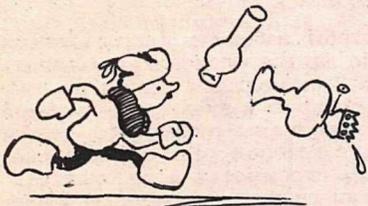
Документы приведён в порядке
Ник. ПЕРОВ

Папа нашёл выход.

ЗАТЯНУВАЮЩАЯ ИГРА

Кто не знает игры в горелки? Двое бегут, а третий, тот, кто «горит», преследует бегущих. Поймав одного из них, «горячий» освобождается от своей нелёгкой обязанности.

По инициативе некоторых торгующих организаций покупатели повеле увлеклись сейчас новыми вариантами игры в горелки.

В Михайловском районе, Сталинградской области, в Александрийском районе, Кировоградской области, покупатели, например, бегут за ламповым стеклом. Но без неизменно заканчивается неудачно. Только достигнув они машину с долгожданым стеклом, как она у самых дверей магазина делает резкий поворот «налево» и устремляется на рынок, к спекулянтам.

В г. Таураге (Литовская ССР) для игры в горелки больше возможностей. Ламповое стекло здесь можно купить легко, но только вместе с лампой и... без фитиля.

Покупатели из станицы Екатериновской, Краснодарского края, вынуждены играть в горелки таким образом: «догонять», наконец, лампу, обрадуются, что она комплектная — с фитилём, стеклом, — а только зажут её, как радость их, в буквальный смысл этого слова, тускнеет. В самом деле, достаточно и десяти минут посидеть при такой лампе, как лицо покрывается копотью, и никто, даже самый ближайший родственник, не установит, что оно выражает в данную минуту.

Конечно, это не все установившиеся варианты игры в горелки. Их можно всячески разнообразить.

Например, покупатель из Краснодарского края может послать

лампу с негодной горелкой, но исправным стеклом в г. Таураге, а оттуда, в обмен, ему пришлют лампу с годной горелкой, но без фитиля, зато фитиль ему могут прислать из Александрийского района.

Подробные консультации о том, как следует играть в горелки, можно получить у начальника управления по торговле промтоварами Министерства торговли СССР тов. Семичева Сергея Михайловича и начальника Главкоопметизторга Центросоюза тов. Михаленкова Василия Сергеевича. К этим уважаемым товарищам рекомендуем обратиться, потому что именно на них возложена обязанность разумно, именно разумно, планировать продажу ламп, стёкол, фитилей и горелок.

С ЛЕГКИМ ПАРОМ

Ваня Бельского леспромпхоза в посёлке Кирзя долгое время существовала только для того, чтобы в ней можно было помыться. Директора леспромпхоза Дульцева это не удовлетворяло. Нет резона тратить на баню, если это мыльно-парное предприятие не приносит прибыли.

Нерентабельна наша баня, сокрушался Дульцев. Он попытался перевести очаг гигиены на внутренний хозрасчёт, но из этого ничего не получилось: ну какой с кипятка и пара доход?

Тогда директор в своих неустанных коммерческо-экономических заботах решительно сбросил с себя это лишнее санитарно-гигиеническое бремя и начертал в приказе № 177:

«Производить работу бани лично рабочими и служащими леспромпхоза с применением лично принадлежащих им дров и сдавая сторожу в целости и сохранности весь инвентарь и оборудование...»

Теперь, согласно приказу № 177, надо идти в баню с вязанкой дров собственной заготовки, брать напрокат оборудование и инвентарь, самому «производить работу бани», а после всего этого и помыться можно.

Но зато леспромпхоз выгадывает на этом деле три целковых в день,

с чем мы поздравляем изобретательного директора. Как не скажешь тут: с лёгким паром! Легче и быть не может, с точки зрения Дульцева.

ЕГО ЛЕВАЯ НОГА ХОЧЕТ

Мы имеем в виду левую ногу тов. Бородулина, управляющего Орловским спиртотрестом. Это она, очевидно, категорически запротестовала против того, чтобы механические мастерские по ремонту оборудования спиртовых заводов области были реорганизованы в ремонтно-механический завод.

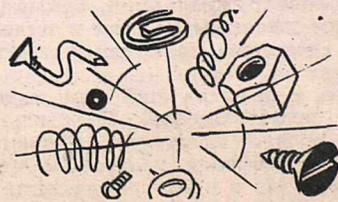
История такова. Три года назад при Орловском спиртотресте были оборудованы небольшие мастерские. За несколько лет эти мастерские выросли в крупное производственное предприятие, и возник вопрос о реорганизации их в завод. Главспирт против этого не возражал и вынес соответствующее решение. Поначалу и тов. Бородулин тоже ничего не имел против. Но когда выяснилось, что новый завод будет подчинён Союзспиртремтехснабу, выступила на сцену левая нога Бородулина и заявила:

— Этого не будет! Моё предприятие! Что хочу, то и делаю! Пусть оно остаётся мастерским!

Главспирт не пожелал противоречить капризной левой ноге управляющего Орловским спиртотрестом и приостановил своё решение.

Так до сих пор прозябают мастерские, работая по заниженным планам, в то время как мощностные их оборудования вполне позволяют значительно расширить работу.

МЕТАТЕЛЬНЫЙ СНАРЯД

В Малой Советской энциклопедии (том I) говорится:

«Балли́ста — метательная машина у древних народов, бросающая камни, а иногда и заострённые на конце, окованные железом брёвна, под большими углами воз-

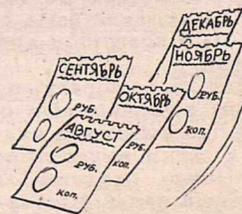
вышения около 45 градусов. Б. часто смешивают с катапультай, метавшей под малым углом возвышения».

Всё это правильно, но сюда нужно ещё добавить:

В наши дни к метательным орудиям, наносящим увечья, кроме катапульты и баллисты, должно отнести ещё ручные пробирочные центрофуги, вырабатываемые заводом медицинского оборудования в Сталинграде. Эта безобидная с виду машина, будучи приведена в действие, мечет вокруг себя металлические кольца, составляющие детали данной машины. Меткость изрядная, радиус действия — 6 метров, что для комнатного агрегата вполне достаточно.

Правда, баллисты и катапульты создавались некогда специально для метания снарядов, а сталинградская центрофуга имеет иное назначение. Об этом-то мы и хотели довести до сведения дирекции завода.

КРОКОДИЛ НЕ ПОМОГ

В прошлом году в № 8 Крокодил писал о бывшем сотруднике газеты «Северный рабочий» Герасимове, разъезжавшем по колхозам Ярославской области и вымогавшем у некоторых председателей колхозов деньги под видом того, что он будет писать о них книжки.

Прочитав эту заметку, Герасимов, видимо, устыдился и сообщил председателям колхозов, что он непрочь вернуть деньги. Но так как в данный момент он, Герасимов, находится в крайне стеснённом положении, то выплату начнёт с августа, внося ежемесячно равные части.

Надо сказать откровенно: Герасимов частично выполнил своё обещание в смысле равных частей. В августе он внёс ноль рублей ноль копеек, в сентябре — тоже ноль рублей ноль копеек, в октябре, ноябре, декабре — такую же сумму.

Нам думается, что Герасимов намерен продолжать в том же духе выплачивать такие же равные части и в последующие месяцы нового, 1950 года.

ПОКЛОННИКИ ЗОЛОТОГО ТЕЛЬЦА

НАКОНЕЦ-ТО мне удалось побывать в «настоящем» городе, и этот город называется Чикаго. Все остальные виденные мною американские города — ничто по сравнению с Чикаго. В нём более миллиона населения, чем он очень гордится. И вот я увидел этот «великий» город и могу пожелать только одного: никогда больше не видеть его! Это город дикарей. Его вода — грязь, его воздух — смрад. А американцы величают эту клоаку «главным украшением страны»!

Меня убедили остановиться в «Пальмер-Хаусе», представляющем собою украшенный громадными зеркалами и позолотой кроличий садок, в котором есть большой зал, весь выложенный мрамором, где была собрана толпа модно одетых людей, толковавших о деньгах и беспрестанно влевавших во все стороны. Посреди этих «облизанных культурой» дикарей шныряли рассыльные с письмами и телеграммами в руках, разыскивая адресатов. То и дело прибывали новые посетители того же сорта и галдели, как полоумные. Один из них, уже изрядно хвативший виски, пристал ко мне с уверениями, что эта гостиница «самая прекрасная в самом прекрасном из городов».

Я прошёл по бесконечным улицам и не заметил ничего, что, по моему мнению, могло бы оправдывать восхищение янки этим городом.

Стоя на одной из площадей, я глядел вдоль прямых, как линейки, «авеню», окаймлённых девятью, десятью, пятнадцатьюэтажными зданиями и кишмя кишящими людьми. На улицах нет ничего ни красочного, ни красивого в художественно-строительном смысле. Ничего, кроме широкой сети всевозможных проводов над головою да грязной мостовой под ногами. Затем я зашёл в ресторан и, попивая там лимонад, рассматривал пол, залитый цементом и выложенный по этому цементу мелкою монетой. До такого варварства не додумался бы и тоттенот. Положим, эта монетная мозаика была довольно красива, но тот, кто её сделал, думал не о красоте, а лишь об удовлетворении своего кичливого чванства.

Выйдя из ресторана, я снова пошёл по улицам, рассматривая конторы всевозможных обществ, агентств и т. п. Глядя на это множество вывесок и чудовищно крикливых объявлений всякого рода, я своим внутренним оком видел, как из-за них смотрят озабоченные бледные лица, и внутренним слухом слышал стечаянный вопль тысячи голосов: «Денег, ради бога денег!», «Покупайте только у меня!».

Я зашёл в Торговую палату — безобразнейшее, неуклюжее огромное здание на узкой и грязной улице. Когда я увидел людей, которые там «работали», то невольно подумал, что этим несчастным скорее следовало бы находиться в доме умалишённых, нежели в деловом учреждении, — до такой степени было дико выражение их лиц. И эта бешеная погоня за наживой — последнее слово «истинного» прогресса. И американцы верят своей «великой культурности» и умиляются ею.

Я провёл десять часов в этой головокружительной, бешеной сутолоке, прошёл много миль по этим ужасным улицам и видел по крайней мере полмиллиона этих «дельцов», говорящих сквозь нос только об одной наживе.

На следующий день, в воскресенье, я получил ещё одно интересное понятие об американской религиозности. Я отыскал учреждение, которое официально носило название «церкви». В сущности же это было общественное собрание, театр, или, что хотите, в этом роде, только не церковь. Но в угоду американцам я, пожалуй, буду называть это церковью и даже без кавычек. Церковь была украшена цветами, скамьи с обитыми плюшем сиденьями были из морёного дуба, в алтаре стояли бронзовые подсвечники строгого готического стиля. Среди этой пышной обстановки сидело собрание американских «христиан», которым проповедник, очевидно пользовавшийся в их глазах полным до-

Полвека назад английский писатель Реднард Киплинг посетил Соединённые Штаты Америки. Его — защитника империалистических идей, проповедника теории «превосходства» англо-саксонской расы — никак нельзя упрекнуть в предвзятости своих суждений об американском образе жизни. Тем не менее, побывав в Америке, Киплинг даёт уничтожающую характеристику быту и нравам поклонников Золотого Тельца. Писателя поразили дикость и варварство высших американских кругов, поразило то, что в наши дни вылилось в открытую фашизацию страны.

Ниже печатается отрывок из путевых очерков Реднарда Киплинга об Америке.

верием господ-бога, говорил о нём, как о близком приятеле и притом слогом фельетониста, или, ещё лучше, интервьюера, рассказывающего о своей беседе с одним из иноземных высокопоставленных лиц.

Во время рассказа проповедник не забывал, однако, внушать своим слушателям, что дело не столько в самом боге, сколько в нём, проповеднике, его ближайшем поверенном в делах управления духовною паствою. Сопровождая

свои слова жестахми плохого актёра, он расписывал райские жилища с той лишь разницей, что в этих жилищах вместо позолоты настоящее золото, а вместо зеркальных стёкол алмазные. В центре этого небесного отеля он поместил громогласное, очень привередливое и плохо рассуждающее существо, которое называл богом. Мне особенно понравились в его речи следующие слова: «Уверю вас, что бог прежде всего любит тружеников наживы».

Вообще этот проповедник рисовал своей пастве такого бога, который ей вполне понятен, и обещал ей такой рай, который должен быть как раз по вкусу этим поклонникам Золотого Тельца. И за всё это он пользовался большою популярностью среди них.

Я поспешил оставить церковь, чтобы избежать благословения этого духовного торговца. В этот же день я сподобился слышать другого проповедника, знаменитого Тальмеджа, в одном из публичных залов. Стоя на трибуне с сигарой в зубах, в сдвинутой на затылок шляпе, с засунутыми в карманы руками, он целый час нёс такую ахинею, в сравнении с которою речь первого проповедника могла считаться образцом скромности и рассудительности. Считая бога ещё более близким своим приятелем, чем первый проповедник, этот оратор, между прочим, хвастался, что благодаря осеняющей его «высшей благодати» ему ничего не стоит обратить весь мир в свою веру.

Я пишу не для американской публики, иначе мне пришлось бы изливаться в притворных и бессовестно живых восхвалениях того, как далеко шагнул по пути истинной цивилизации Чикаго, и петь хвалебные гимны единственному его божеству — Золотому Тельцу. Я не знаю, что пошлее, невежественнее, лживее, хвастливее, возмутительнее: изустные или письменные речи янки. Очевидно, между теми и другими существует тесная связь. Должно быть, тон задаётся печатью. Все газетные статьи написаны самым вульгарным, безграмотным языком, с постоянным восхвалением всего своего, местного, и оплёвыванием всего чужого.

Побывал я и на знаменитых чикагских бойнях и видел, что там делается. Это — такое страшное зрелище, что я не решаюсь даже описывать его. Но всего ужаснее было то, что я застал там в качестве зрительниц множество красивых и нарядных женщин. Они смотрели на эту беспощадную резню, как смотрят какую-нибудь сенсационную драму в театре, слушали эти, раздирающие душу крики, вопли несчастных животных, как слушают пение оперных певцов, и ни один мускул не дрогнул на красивых лицах зрительниц. Особенно выделялась одна высокая, статная, дышавшая здоровьем молодая красавица. Одетая в огненно-красное платье, отделанное чёрными кружевами, обутая в тёмно-красные лайковые полусапожки, она стояла, вся озарённая солнцем, точно пылающий исполинский цветок среди моря крови, среди заживо обдираемых, судорожно корчившихся в предсмертных муках полуживых существ, среди всего этого ужаса насильственно прекращаемой жизни и смотрела на всё это жёсткими, спокойными, сверкавшими сухим блеском, красивыми глазами.

Глядя на эту бессердечную женщину — дочь, сестру, а быть может, уже и мать чистокровных янки, — я воскликнул про себя: «Довольно! Я видел Чикаго, видел «гуманную» и «свободную» Америку!» — и в тот же день покинул «великий» город.

ХРАМ ВОЗДУХА

Готовь сани летом, курорт — зимой.
(Из пословиц Главкурупра).

«Вот уже три дня, как я в Кисловодске. Каждый день вижу Веру у колодца и на гуляньи... Живительный горный воздух возвратил ей цвет лица и силы. Недаром Нарзан назывался богатырским ключом», — так записал в своём дневнике лермонтовский «герой нашего времени» — Печорин.

Давно это было. Но живительный горный воздух Кисловодска не потерял своих высоких показателей. Не потерял своей силы и Нарзан-богатырь.

А во всём остальном — и, конечно, к лучшему — курорт сильно изменился. Не встретить здесь сейчас у нарзанного источника или на гуляньи ни княгини Лиговской, ни княжны Мери. Да в какой, собственно говоря, санаторий они могли бы получить путёвки: в санатории нефтяников, шахтёров, красных партизан, в санатории Министерства сельского хозяйства, ВЦСПС, Академии наук?

Нарзан тот же, что и при Печорине. Но пьют его сейчас другие люди, среди которых немало и героев нашего времени — героев труда, героев Великой Отечественной войны...

На пути от Нарзанной галереи к недоступным для толстяков первой категории «Синим камням» возвышается знаменитый «Храм воздуха».

Вот, окружив себя, точно свитой, стайкой белых тучек, возникает седоголавыи властелин здешних мест — Эльбрус. Это тот самый, воспетый Лермонтовым, старый Эльбрус... Надо отдать ему справедливость: старик для своих лет неплохо сохранился. Может быть, это объясняется тем, что он круглый год покрыт снегом.

Но главное здесь — это воздух! Храм воздуха!

Но, собственно говоря, храмом воздуха следовало бы назвать не только эту скромную возвышенность, но и целиком весь курорт. Воздух здесь, в Кисловодске, действительно изумительный. И даже наиболее ворчливые и капризные отдыхающие не могут выдать из себя ни одной капли жалобы по его адресу.

Недаром директора некоторых кисловодских санаториев с большой охотой записывают местный озон на свой счёт. Дескать, обратите ваши взоры на наше старание: ночей не спали, пить-есть перестали, а полностью обеспечили всех больных и отдыхающих горным воздухом лучшего качества...

Хочется от чистого сердца сказать два-три тёплых слова о тех людях, которые — как бы поделкатней выразиться? — портят этот чудесный вид.

И хочется сказать это сейчас, в разгаре кисловодской зимы. До весны есть время обдумать свои ошибки и не только признать их, но и исправить.

Итак, два-три тёплых слова...

Раннее утро. Ещё пять часов нет. Чья-то невидимая хозяйственная рука гасит звёзды на небе, а заодно и фонари на санаторном дворе. Надо вставать!

Это тебе не Сочи, и не Гагры, и не Коктебель, и не Рижское взморье, где в этот час люди ещё крепко спят. Там во всей силе действует инструкция, разработанная в своё время поэтом: «На заре ты её (и его тоже!) не буди: на заре она сладко так спит».

А тут, в Кисловодске, каждый старается пораньше встать, чтобы захватить первые лучи солнца и свежую струю горного воздуха.

Вот мы миновали «Храм воздуха», полюбовались корпусами санатория имени Серго Орджоникидзе и направили свои стопы к «Красному солнышку».

Но что это такое? Вдруг запахло гарью... Невольно вам приходят на ум лермонтовские строки: «На небо дым валит столбом! Откуда он?».

В самом деле, откуда этот дым? Откуда

Рис. В. КОНОВАЛОВА

— Ну, как наш годовой отчёт? Хорош?
— Будьте спокойны. Лучше не придумаешь!

эти тёмные тучки, которые закрыли собой ясное небо города-курорта?

Это, оказывается, Центральные нарзанские ванны и десяток санаториев закурили рано утром, натошак, свои длинные кирпичные сигары. Это задымили трубы котельных, разогревающих нарзан...

Уже давно толкуют здесь о борьбе с дымом. Говорят об электрофильтрах, — да, усиленно говорят, но не больше. В позапрошлом году после фельетона в Крокодиле Кисловодский горсовет принял решение: «Чтобы уменьшить задымленность города, перейти с жидкого топлива на твёрдое». Решение приняли, но дым и нынче там. Не пора ли по этому вопросу перейти от жидких решений на более твёрдые?

В предвечерние часы приятно подняться к «Красному солнышку» и выше. Небо чистое, воздух прозрачен, настроение лёгкое. Идём, конечно, по теренкуру. Вдруг тебя оглушает автомобильная сирена. Отскакиваешь в сторону, и мимо тебя по медицинской дорожке проносятся, пуская пыль в глаза, распространяя смрад и зловолие, одно такси за другим.

Это балуются некоторые весёлые тучки с нижних санаториев, которые думают похудеть, подымаясь в горы на машине.

Но всё это — не главная помеха отдыху. Не это портит очарование «Храма воздуха».

Есть, к сожалению, меж «Красными» и «Синими камнями» и серьёзный камень преткновения.

Речь идёт о торгашеских тенденциях в санаторно-курортных отделах некоторых наших министерств и ведомств.

Работники этих отделов часто забывают о том, что им поручены забота и попечение об отдыхе и здоровье трудящихся, что путёвка — это не простой кусок бумаги и не квитанция об уплате денег за пребывание на курорте.

Но торгаши продают путёвки и ни о чём другом думать не хотят. Из-за их беспомощности и беспечности подопечные им санатории почти пустуют круглый год, и

даже в весенние и летние месяцы. Потом они спохватываются: караул, план не выполнен! И в порядке штурма и аврала начинают продавать направо и налево (в особенности налево!) путёвки на июль — август, эти месяцы-пик в курортной жизни.

В санатории, скажем, двести мест. А продают триста путёвок. Что делать с «лишними» людьми? Их кое-как рассовывают по врачевным кабинетам, по всем закоулкам, коридорам, фойе, холлам.

Вот что рассказал автору этих строк один из пострадавших:

— Представьте себе, я пришёл в театр. Предъявляю билет. А мне говорят: «Во время первого действия вы посидите здесь, возле вешалки. Спектакль начнёте смотреть после первого антракта. Потому что на ваше место продан ещё один билет. Что?! Вы недовольны? Подумаешь, какой нервный! Не может человек посидеть одно действие в коридоре! Это же временно!»

То же самое, — продолжал мой собеседник, — мне сказали в санатории нефтяников имени Орджоникидзе. Приезжаю — комнаты нет. Говорят мне: «Вы временно будете жить ещё с тремя гражданами в холле второго этажа!»

Что значит временно? Я ведь вообще нахожусь в санатории не постоянно, а временно. Кому дано право посягать на мой отпуск? Почему эти люди считают возможным покидать хоть один день моего отдыха и лечения?

Чудесный санаторий! Куда ни помотришь, — глаз радуется. Какое величественное здание! Всё создано здесь для отдыха, для уюта, для спокойствия.

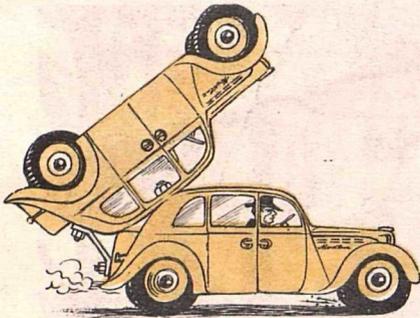
Но с огорчением нужно заметить, что в 1949 году этот санаторий (вот когда хочется сказать: временно!) превратился в гостиницу с плохим обслуживанием.

...Сейчас здесь крутятся вихри снежные. Но известно, что за зимой весна приходит. А к весне вместе со снегом должны исчезнуть изъяны «Храма воздуха».

Г. РЫКЛИН

КОГДА НЕТ ЗАПАСНЫХ
ЧАСТЕЙ
К АВТОМОБИЛЯМ...

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

Рекомендуем приобрести и держать
при себе запасную машину.

Рис. Ю. ФЕДОРОВА

Рис. А. ЗУБОВА

— Да пилите же скорей!
Ведь вы всю душу из меня вы-
мотали!

НА ПОЛНОМ ХОДУ

Рис. Ю. УЗВЯКОВА

— Не нравится наш вагон-ресторан?! Можете идти в
другой!..

ВЕРНЕМСЯ К ВОПРОСУ

Р ОВНО год назад в № 1 Крокодила за 1949 год появилось сообщение о небывалом усердии одного из студентов Полтавского педагогического института. Феномен! Посвящая учёбе лишь короткие досуги, этот студент-заочник, загруженный к тому же ответственной работой, за несколько месяцев легко одолея пятилетнюю учебную программу, проскакал галопом по всем пяти курсам исторического факультета и на полном карьере получил на руки диплом. Лихо!..

Заметка Крокодила вызвала в Полтаве шумные толки. В души полтавчан заметка заронила сомнения и даже, прямо скажем, некоторое недоверие к учебным доблестям резвого историка. Но бюро Полтавского обкома партии решительными действиями опровергло заметку в Крокодиле и пресекло вредные настроения:

— Павла Калениковича Колинько полагать учёным!

Не всякому студенту выдаётся в придачу к диплому этакое авторитетное гарантийное постановление, но Павел Каленикович и не был простым студентом. Он был секретарём обкома партии по кадрам, затем стал председателем областного совета профсоюзов. И таким он был выдающимся студентом, что сам начальник управления педагогических вузов Министерства просвещения УССР тов. Г. З. Ивашина благоговел перед его скрепленной печатями эрудицией. В особом письме, касающемся заметки в Крокодиле, Г. З. Ивашина засвидетельствовал, что собственного мнения по этому делу у него нет и не предвидится, поскольку образованность Колинько уже подтверждена бюро обкома.

— Погодите, теперь мы сами возьмёмся, — сказали в Министерстве высшего образования. — Обяжем проверить. Прикажем расследовать. Предвишем разобраться.

Приказывали, обязывали и предписывали целый год. Устно и письменно, по телефону и телеграфу. И так как мини-

стерским контролёрам не под силу оказалось за один год выполнить столь сложную работу, мы пошли им на выручку. Мы поехали в Полтаву, так и не дождавшись комиссии. Поехали в канун первой годовщины со дня появления заметки.

Итак, мы в Полтаве. В доме № 9 по улице Сковороды нас приветливо встретил новый директор института — тов. Кирса.

— По тому делу? Как же не знать, — хитро улыбнулся он. — Знаю, хотя я вообще человек новый. Присаживайтесь, располагайтесь, берите вот эту папку...

Папка с нашумевшими документами студента-заочника П. К. Колинько хранилась в сейфе как вещь, сугубо секретная. И мы занялись раскрытием секретов.

Берём в руки зачётную книжку, испещрённую подписями преподавателей Данишева, Крестинина, Каган, Лозовского и других. Студент так бурно и стремительно овладевал науками, что иной раз преподаватели в две смены, даже в выходные дни трудились, принимая у него экзамены. Но благодарный студент великодушно щадил драгоценное время педагогов. Приедет, бывало, Павел Каленикович в институт и попросту даст свою зачётную книжечку преподавателям на подпись. Глядишь: полкурса без особых хлопот оформлено. Раскроет заочник книжицу со свежими отметками и, замирая от удовольствия, чувствует прилив новой энергии: что бы этакое ещё сдать сегодня? Разве психологию скинуть с плеч или по истории, педагогике пройтись? Преподаватель, беря зачётную книжицу, вежливо осведомляется:

— Вам как сделать: за семестр или за весь курс?

— Да уж давайте сразу, знаете, чтоб лишний раз не ездить...

За буквальную точность этих диалогов мы, разумеется, не ручаемся, так как в студенческих документах фиксировались лишь заключительные слова экзаaminаторов: «хорошо», «отлично» и «зачтено».

Науки легко давались Павлу Калениковичу: в субботу в один присест сдал четыре экзамена. Проснулся рано утром в воскресенье, побежал в институт. Поднял Колинько на ноги экзаaminаторов, те явились, жертвуя воскресным отдыхом ради науки, и восхищённо взглянули на усердствующего ученика:

— Государственный? Пожалуйста, сию минуту...

Почему же в Полтаве скрывали такое выдающееся дарование? Секрет вот в чём. Не знаний жаждал прыткий заочник. Диплом, аттестат, документ о высшем образовании — вот что пленяло его воображение! И так ценили в нём этот спортивный азарт добрые, отзывчивые преподаватели, что глазами, полными слёз умиления, не могли заметить 96 орфографических ошибок, собственноручно сделанных нашим историком в контрольной работе по русскому языку незадолго перед триумфальным окончанием института. Где же Павлу Калениковичу до орфографии, если надо было в рекордные сроки пройти, пролететь, проскакать столько сложных и трудоёмких наук!..

Обо всём этом узнали мы из совершенно секретных бумаг, хранящихся в сейфе института.

Василий Сергеевич Марков, первый секретарь Полтавского обкома, на следующий день внимательно выслушал наши яркие впечатления и спросил:

— Неужели вы хотите спустя год вернуться к этому вопросу? Ведь за давностью уже полагается, кажется, предать его забвению?

Но мы не хотим предавать забвению такие примечательные события из жизни некоторых членов бюро Полтавского обкома. И именно поэтому мы возвращаемся к прошлогодней заметке, которую так хотели бы забыть товарищи из обкома.

М. ШУР

Полтава.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Приятно отметить, что глусский райвоенком (БССР) Панов не лишён чувства дружбы. Но, к сожалению, это чувство слишком далеко зашло. После того как мной была опубликована в районной газете статья о физическом воспитании в школах, в которой критиковалась работа преподавателя физкультуры Рудницкого, тов. Панов во имя дружбы решил вступить за своего раскритикованного приятеля.

И вот в один прекрасный день вызвали меня в райвоенкомат, и здесь военком в самых резких выражениях высказался, что он очень недоволен моим критическим выступлением, и стал всячески мне угрожать.

Дружба, конечно, — великая вещь, но, как говорится, от вели-

кого до смешного — один шаг. Думаю, что, зажимая такими приёмами критику, тов. Панов окажется в весьма смешном положении.

В. ВИНЕЛЬ,
инспектор школ

Глусский район, БССР.

Дорогой Крокодил!

Если приведётся тебе быть в городе Бежецке, загляни в тамошний галантерейный магазин и попроси продать тебе обычный роговой гребень. Ты не успеешь и свистнуть от удивления, как тебе вместе с гребнем завернут свисток. Откажешься от свистка — откажут и в гребне.

Говорят, что виновата в этом Бежецкая артель, занятая производством изделий из рога. Она,

дескать, переоценила спрос на свистки. Ну, а покупатели тут при чём? Пусть артельщики и свистят себе на здоровье...

П. ТИТОВ

Ярославль.

Товарищ Крокодил!

Главное управление торговли на Севере забросило к нам, на Чукотку, в огромном количестве косы, вилы, скребницы и подковы. А как всё это богатство использовать, мы не знаем: ведь лошади у нас не водятся, а сено у нас не растёт.

Научи, как подковывать собак и косить лёд. Не пропадать же добру!

И. ИЛЮШЕНКО,
районный прокурор

Залив Св. Лаврентия,
Чукотского района.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В № 31 был напечатан фельетон «Есть в Клайпедзе Любочка» — о злоупотреблениях на Клайпедском фанерном заводе. По сообщению заместителя министра лесной и бумажной промышленности Литовской ССР тов. Альперавичюса, директор фабрики Ананевич и другие соучастники хищения фанеры

арестованы и привлекаются к уголовной ответственности. Жена Ананевича за хулиганские поступки приговорена к шести месяцам принудительных работ.

В № 29 Крокодил напечатал фельетон «Дело о деле». Произведённая Казанским горкомом ВКП(б) проверка полностью подтвердила бездушное отношение к профессору Недошивину, который во время Отечественной войны добровольно уплотнил свою жилплощадь, а затем, по окончании войны, не мог восстановить своих прав на жилплощадь.

Фельетон обсуждался на бюро городского комитета ВКП(б). За ущемление жилищных нужд профессора Недошивина и неправильную ориентацию судебных органов бывшему начальнику городского жилищного управления члену ВКП(б) тов. Абашеву объявлен выговор. Белоглазов, проживавший в одной квартире с профессором Недошивиным, за непартийное поведение, выразившееся в притеснении и нанесении оскорблений Недошивину, исключён из рядов ВКП(б).

Прокуратура города Москвы сообщает, что снятый с работы после опубликования в № 26 Крокодила фельетона «Геология и кишини» начальник управления рабочего снабжения Министерства геологии Катамахин привлекается к уголовной ответственности за злоупотребление властью.

Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА

Радиоприёмники, изготовляемые для сельских местностей, часто портятся.

— Куда бежите? Пожар?
— Нет, новый радиоприёмник привезли!
— Зачем же так спешить?
— Послушать, пока не испортился!

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, Г. КОРОЛЬКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 64. Подписано к печати 2/1 1950 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

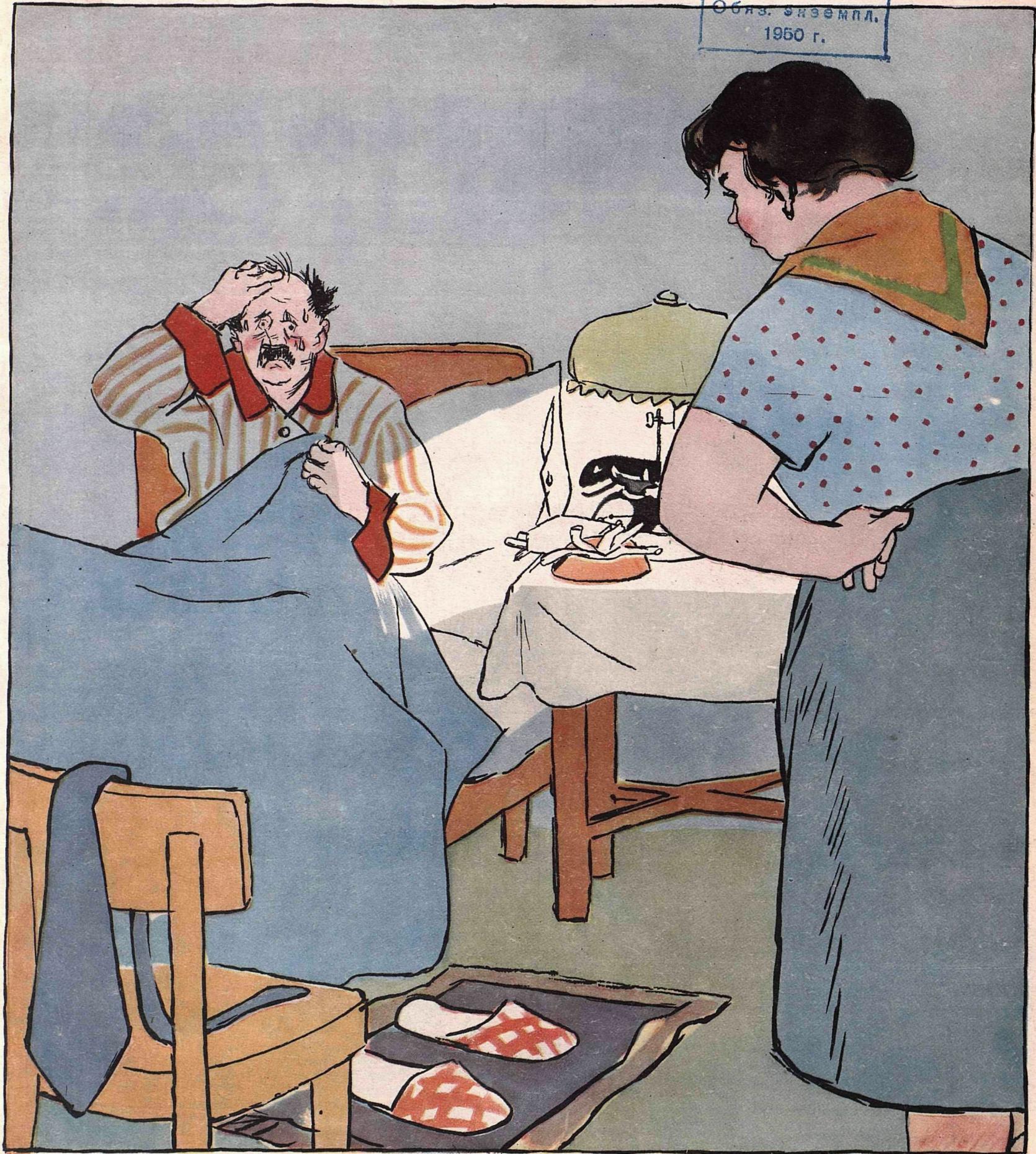
А—00151. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 3436. Тираж 167 000 экз.

ТЯЖЕЛЫЕ СНЫ СЕЛЬХОЗОТДЕЛЬЦА

538

Рис. В. ГОРЯЕВА

Всесоюзная
Книжная Палата
Обяз. экземпляры
1950 г.

— Нелепые сны снятся: выговоры, предупреждения, взыскания... К чему бы это?
— Вероятно, к весне!